

Анализ феномена посткоммунистического национализма в современных теориях национализма

Научный руководитель – Сытин Андрей Георгиевич

Потоцкий Ярослав Александрович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: istorik.ru01@gmail.com

Процесс взрывного подъёма восточноевропейского национализма, который начался на рубеже 1980-90-х получил неоднозначные оценки со стороны политической и экономической элиты западных стран. Получила распространение точка зрения, согласно которой ключевым, или даже единственным, фактором националистического взрыва и последовавшего за ним перекраивания границ в Восточной Европе, представлялись давние этнические противоречия, а распад многонациональных государств объяснялся активизацией национальных движений, которые десятилетиями подавлялись коммунистическими режимами.

Между тем, ведущие западные исследователи национализма отмечают ошибочность подобных рассуждений. Один из ключевых представителей социально-конструктивистского направления в современных исследованиях национализма, американский социолог Роджерс Брубейкер отмечает, что «понимания национальной идентичности как глубоко укорененной в докоммунистической истории данного региона, замороженной или подавленной беспощадным антинациональным режимом и возвращающейся после краха коммунизма являются в лучшем случае анахроническими, а в худшем – просто научным переложением националистической риторики» [Брубейкер, 2012, с. 110]. Поскольку в государствах Восточного блока национальность получила беспрецедентное институциональное оформление – от национально-территориальных автономий до документального закрепления этнической идентичности, – нет никаких оснований полагать, что формально приверженные принципу интернационализма коммунистические режимы действительно носили антинациональный характер. К аналогичному выводу в своих работах ранее пришли британский историк Эрик Хобсбаум, чешский философ и историк Мирослав Грох, американский социолог Крейг Калхун.

Переоценка этнического фактора в интерпретации процессов, протекавших в Восточной Европе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., приводит к недооценке экономических и социально-политических факторов. Тем не менее, именно кризис коммунистических режимов и последовавшая за ним волна либерализации, захлестнувшая все страны бывшего социалистического лагеря, создали условия, необходимые для подъёма национальных движений. Так, например, Эрик Хобсбаум отмечает, что главной причиной всплеска восточноевропейского национализма является «не национальное напряжение . . . но прежде всего курс на самореформирование, который взял советский режим» [Хобсбаум, 1998, с. 264]. Политический вакуум, развал плановой экономики и жёсткий переход к рынку, рост общественного недовольства, распад блока социалистических стран породили тотальную дезорганизацию и хаос, в котором национализм быстро смог стать реальной политической силой. Сепаратизм и межэтнические конфликты не представляли серьёзной угрозы в этом регионе, пока нарастающая нестабильность не разрушила привычный образ жизни людей.

Более того, объективный анализ процесса образования новых национальных государств в Восточной Европе демонстрирует, что критерии признания новых наций и границы но-

вых национальных государств зачастую определялись ситуативно, исходя из экономических и политических соображений. Одним из таких примеров являются бывшие югославские республики, административные границы которых ни в период существования Югославии, ни в постюгославский период не соответствовали этническим. Сам процесс распад СФРЮ во многом определялся неравномерным развитием союзных республик и степенью их экономических взаимосвязей с западными странами. Крейг Калхун подчёркивает, что именно нерешённые экономические вопросы в совокупности с ослаблением власти центрального правительства, а вовсе не «давняя этническая ненависть» стали решающими факторами крушения Югославии. Поскольку Словения и Хорватия являлись самыми развитыми в экономическом плане республиками СФРЮ (за счёт отчислений которых долгие годы формировался федеральный бюджет и фонд помощи отсталым республикам), «словенские и хорватские лидеры захотели порвать с Югославией, как только с крахом коммунизма появилась такая возможность» [Калхун, 2006, с. 135]. Причём, если имеющие тесные экономические связи с западными странами Словения и Хорватия в качестве национальных государств были признаны Европейским сообществом и США практически сразу, то государственность многонациональной Боснии и Герцеговины (бывшей во времена Югославии одним из дотационных регионов) и её право называться «национальным» государством ставились под вопрос ещё долгое время.

Таким образом, западные исследователи национализма смогли опровергнуть ряд стереотипов и ошибочных представлений, связанных с подъёмом восточноевропейского национализма в конце XX века. Институционализация национальности в социалистических странах сформировала основу для нарождающихся национальных движений. Падение коммунистических режимов и последовавшая за ним череда либерально-демократических реформ в странах Восточной Европы усилили социальное напряжение, что лишь увеличило накал националистических противоречий.

Источники и литература

- 1) Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
- 2) Калхун К. Национализм / пер. А. Смирнова. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») — 288 с.
- 3) Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. — СПб.: Алетейя, 1998. — 305 с.